

Дианов Сергей Александрович

ФАКТОР СЕКРЕТНОСТИ В ДЕЛОПРОИЗВОДСТВЕ МЕСТНЫХ ОРГАНОВ ГЛАВЛИТА НА УРАЛЕ (1920-1930-Е ГОДЫ)

В настоящей статье постулируется проблема состояния секретности в делопроизводстве местных органов политической цензуры на Урале – органов Главлита. Автор приходит к выводу, что к концу 1930-х годов порядок ведения и хранения секретной информации в уральских отделениях Главлита не соответствовал нормативным требованиям. Сведения, представляющие государственную тайну, подчас становились общедоступными, вследствие чего профессиональная деятельность политконтролеров вызывала массу нареканий со стороны руководителей партии и государства.

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/3/2013/1-2/16.html

Источник

Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики

Тамбов: Грамота, 2013. № 1 (27): в 2-х ч. Ч. II. С. 68-72. ISSN 1997-292X.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/3.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/3/2013/1-2/

© Издательство "Грамота"

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net

Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: voprosy_hist@gramota.net

READING AGAINST LEISURE CULTURAL PRACTICES DIVERSITY BACKGROUND

Margarita Yur'evna Gudova, Ph. D. in Philosophy, Associate Professor
Department of Ethics, Aesthetics, Culture Theory and History
Ural Federal University
MargGoodova@gmail.com

The author reveals the status of reading in modern culture among such leisure cultural practices as watching television, computer games, entertainment, travel; and as a result of the research divides all leisure practices with respect to reading into competing, accompanying and supporting/supported ones, where reading is the dominant and most prestigious cultural practice.

Key words and phrases: reading; cultural practice of reading; watching TV; computer games and entertainment; travel; travelogue; leisure reading; leisure cultural practices.

УДК 94(470.5)“1922/1939”

Исторические науки и археология

В настоящей статье постулируется проблема состояния секретности в делопроизводстве местных органов политической цензуры на Урале – органов Главлита. Автор приходит к выводу, что к концу 1930-х годов порядок ведения и хранения секретной информации в уральских отделениях Главлита не соответствовал нормативным требованиям. Сведения, представляющие государственную тайну, подчас становились общедоступными, вследствие чего профессиональная деятельность политконтролеров вызывала массу нареканий со стороны руководителей партии и государства.

Ключевые слова и фразы: цензура; Главлит; Урал; делопроизводство; цензоры.

Сергей Александрович Дианов, к.и.н.

Кафедра социальных и гуманитарных дисциплин

Пермский институт (филиал) Российского государственного торгово-экономического университета
dianov-sa@rambler.ru

**ФАКТОР СЕКРЕТНОСТИ В ДЕЛОПРОИЗВОДСТВЕ
МЕСТНЫХ ОРГАНОВ ГЛАВЛИТА НА УРАЛЕ (1920-1930-Е ГОДЫ)©**

В исторической науке данная тема остается малоизученной. Сегодня исследовательский интерес в основном сфокусирован на проблемах охраны военных и государственных тайн в СССР в печати и литературе. Историки, филологи и юристы бьются над разгадкой проблемы эффективности политического контроля над СМИ, радио-, телевидением и др. Между делом забвению предается один из потенциальных каналов разглашения тайны – внутреннее делопроизводство в цензурном ведомстве. Если бумага с грифом «секретно» хранится в общем доступе, то тайна остается тайной? На примере деятельности уральских органов Главлита воссоздадим масштаб разглашения государственной тайны самими цензорами.

С первых дней работы советских цензоров в их распоряжение стало поступать большое количество печатных материалов [9, с. 52]. В «Положении о Главлите», в частности, говорилось об обязанности всех типографий и издательств представлять в органы Главлита «по пяти экземпляров всякого рода печатного произведения до его напечатания» [13, с. 638]. Об интенсивности труда первых работников местных органов Главлита можно судить по содержанию циркулярного письма цензора по Ирбитскому уезду А. Г. Арыкина, адресатом которого был Уралобллит – Уральское областное управление по делам литературы и издательства. По сведениям цензора, только в феврале 1923 г. предварительному контролю улита подверглось 49 материалов тиражом свыше 3 тыс. экз., в их числе объявления о продаже пива и открытии пивной лавки, о продаже колбас и мяса, а также о приеме заказов в товариществе «Сухофрукты» [1, д. 1, л. 42]. Три экземпляра каждого издания А. Г. Арыкину следовало раз в месяц отправлять в Уралобллит, остальные же должны были храниться в улите. Заметим, что А. Г. Арыкин исполнял обязанности цензора по совместительству, занимая в штатах Ирбитского уездного ОНО должность заведующего. В 1920-е годы практика совмещения данных постов была обычным явлением.

Количество печатных материалов множилось и в процессе завязавшейся переписки между Уралобллитом и цензорами на местах. В январе-феврале 1923 г. в гублиты и улиты были высланы такие материалы, как «Положение о Главлите», «Инструкция уездным цензорам Уралобллита», «Техника работы по контролю печати», Анкета для периодических изданий, форма журнала для регистрации печатного материала, форма ежемесячного отчета уездного цензора о результатах работы, информационная форма отчетности губернского цензора, форма отчета цензора гублита о запрещенных к печатанию произведениях, анкета для учета

деятельности книгоиздательства и др. На этих документах стояла виза «секретно» или «совершенно секретно». Заметим также, что копии циркуляров Главлита и Уралобллита доставлялись в уездные и окружные ОНО фельдъегерской почтой ОГПУ [6, д. 64, л. 136].

Определим минимальные потребности цензора для организации и ведения секретного делопроизводства. Во-первых, наличие канцелярских товаров, бумаги, тетрадей или журналов для регистрации входящих и исходящих документов. Во-вторых, отдельное помещение (комната или кабинет) для просмотра сигнальных номеров газет и мелкопечатной продукции, чтения секретных документов Главлита. В-третьих, наличие оборудованного места для хранения документов (шкаф, сейф) и архива печатных произведений. Все вышеперечисленное требовало немалых расходов, и это обстоятельство стало своеобразным камнем преткновения. Собственного бюджета у уральских цензоров не было. В бюджетах губернских отделений Наркомпроса РСФСР статьи расходов на цензуру также не были предусмотрены [10, с. 255].

О бедственном материальном положении литов отмечал начальник Уралобллита А. Д. Ослоновский. В составленном им отчетном докладе «О деятельности Уралобллита» за январь 1923 г., в частности, отмечалось:

«На содержание Обллита за январь месяц переведено по три денежных единицы на сумму 26 р. 50 копеек выпуска 1923 г. Спрашивается, какой аппарат можно содержать на 26 рублей и отсюда брать средства на хозяйственно-оперативные расходы по управленческому аппарату и гублитам области?» [7, д. 2, л. 18 об.].

Почти ежедневно лично А. Д. Ослоновский получал с мест телефонограммы о нуждах работников. Уездные цензоры просили Уралобллит дать им разрешение оставлять в улите часть доходов, полученных от полистного сбора. Эти деньги предполагалось тратить на «хозяйственные нужды»: изготовление штампа, покупку книг для регистрации, оплату почтовых расходов и др. [3, д. 198, л. 1]. Очевидно, Главлит не пошел навстречу своим местным органам, предложение о полистном сборе одобрение не получило. К апрелю 1923 г. штаты аппарата управления Уралобллита сократились до двух работников – начальника и секретаря с полномочиями инспектора. По причине отсутствия денежных средств был ликвидирован Екатеринбургский гублит. Угроза закрытия уральских улитов стала вполне реальной.

Выход из сложной ситуации вскоре все же был найден. По договоренности с руководством Екатеринбургского губоно уездной цензуре было предложено расходовать средства на хозяйственно-оперативные нужды «из хозяйственных сумм уездного ОНО, по смете Уисполкома», то есть из бюджета местного ОНО [1, д. 1, л. 14]. В циркуляре № 134 от 4 апреля 1924 г. Уралобллит наконец озвучил официальную позицию Главлита. В качестве единственного источника финансирования местной цензуры объявлялся бюджет окроно, доходы же от полистного сбора объявлялись неприкосновенными, их адресатом оставался государственный бюджет. «Никаких отдельных кредитов на Окрит не отпускается и отпускаться областью не будет, а также содержание технического работника, выплачиваемое из сумм полистного сбора, быть не может», – подчеркивалось в документе [6, д. 2, л. 32]. Следует отметить, что в 1924-1925 годах в бюджеты уральских окружных ОНО стали включаться статьи по расходам на окриты. Однако это были совсем небольшие суммы, что свидетельствует о скудных возможностях системы образования. Таким образом, местные органы Главлита на Урале в первые годы своего существования были предоставлены самим себе, самостоятельно решали проблемы своего хозяйственного обеспечения. Заметим, что ни одна контролирующая структура не проявляла интереса к состоянию делопроизводства в окритах. В итоге это привело к тяжелым последствиям.

Только в 1926 г. по инициативе руководства Наркомпроса РСФСР и Главлита началась кампания по обследованию состояния секретности в местных литах. Провести процедуру обследования в органах Главлита поручалось местным отделам ОГПУ. Заметим, что отделы политконтроля как структурные подразделения ОГПУ осуществляли в регионе последующую (карательную) цензуру. Уже 20 сентября 1926 г. Наркомпрос РСФСР направил в местные отделы народного образования секретное письмо, в котором, в частности, говорилось следующее:

«Произведенным обследованием органами ОГПУ установлен в гублитах ряд крупных нарушений инструкций и правил по хранению и делопроизводству секретных материалов... Препровождая при сем инструкцию по хранению секретной переписки, Наркомпрос предлагает немедленно с получением сего принять все необходимые меры к проведению инструкции в жизнь» [11, д. 15, л. 4].

Из текста данного документа следовало, что к письму был приложен текст «Инструкции по введению и хранению секретной переписки в местных Литах». В окриты поступила копия этого документа, состоящая из четырех структурных частей. Воспроизведем их названия: 1) «По введению и хранению документов»; 2) «Прием пакетов и исполнение секретной корреспонденции»; 3) «Конвертирование и отправка секретных пакетов»; 4) «Заключительная часть». Само появление «Инструкции» является косвенным свидетельством глобального кризиса в системе секретного делопроизводства в органах цензуры [1, д. 5, л. 43].

Практическим доказательством неудовлетворительного состояния дел на местах можно считать такой важный источник, как документы, составленные проверяющими ОГПУ по результатам их обследования «секретной» части литов. В качестве примера обратимся к «Акту обследования секретного делопроизводства Ирбитского окрита», автором которого был уполномоченный отдела ОГПУ по Ирбитскому округу П. Елизарьев [6, д. 4, л. 123-125]. Говоря о выявленных нарушениях, чекист начал с того, что цензор М. Харитонов с документами по ведению секретного производства не знаком. «Канцелярия Окрита помещается в общей комнате с работниками Окроно, – отмечал далее Елизарьев, – доступ посторонней публики

в часы занятий в комнату Окрлита свободный...». Исходящая и входящая корреспонденция, имевшая гриф секретности, регистрировалась в общих журналах Ирбитского отдела народного образования. Переписка с Уралобллитом не была унифицирована, номера проставлялись цензором в произвольном порядке. Далее П. Елизарьев установил факт утраты переписки за 1923 г. и частично за 1924 г. При всем этом в Ирбитском окрлите отсутствовал сейф для хранения секретных документов. Материалы хранились в выдвижном ящике письменного стола, ключи от которого находились у беспартийной секретаря-машинистки. Секретные документы печатались машинисткой на общей пишущей машинке окроно, и к ним был открыт доступ. Любой сотрудник окроно имел возможность ознакомиться с содержимым секретной почты. В заключение П. Елизарьев констатировал факт неудовлетворительной работы окрлита, допуская наличие возможности свободного хищения секретных документов или их безвозвратную утрату [Там же, л. 125]. По итогам работы в приложении к «Акту» им был составлен план по устранению начальником окрлита М. Харитоновым вышеуказанных нарушений. В частности, цензору вменялось в обязанность в недельный срок представить сведения о местонахождении «наряда общей секретной переписки за 1923 г.» [Там же, л. 125 об.]. Одновременно с этим начальник окрлита должен был представить анкетные данные и характеристику на личность секретаря-машинистки. Только после специальной проверки секретарь могла продолжить работу в окрлите.

Подчеркнем, что ситуация в Ирбите была отнюдь не единственным случаем на Урале. Подобные нарушения были выявлены в ходе обследования деятельности Кунгурского, Шадринского и других окрлитов [2, д. 805, л. 111]. В свою очередь, это позволяет нам сделать следующие выводы. Во-первых, следует констатировать факт полного развала системы секретного делопроизводства в уральских литах в середине 1920-х годов. Во-вторых, деятельность цензоров по предварительному контролю не являлась тайной, а их секретные документы находились в общем доступе. В-третьих, несмотря на то обстоятельство, что в деятельности ирбитского цензора был установлен состав уголовного преступления, чекисты не предпринимали активных действий по уголовному преследованию виновного лица. Логично предположить, что такие задачи организаторами обследования перед ОГПУ не ставились.

Какие выводы сделало руководство Уралобллита? 22 декабря 1926 г. Уралобллит совместно с Ураломо издал циркуляр № 178/с, в котором обязал инспекторов печати и зрелищ принять все необходимые меры к обеспечению сохранности секретной переписки, ведению ее в соответствии с инструктивным материалом Наркомпроса РСФСР [11, д. 15, л. 11]. Вместе с тем проштрафившиеся цензоры не были вызваны в обллит для дачи объяснений. Начальник обллита М. Р. Ланге, в прошлом прокурор, не инициировал процедуры устранения недостатков. Отсутствие превентивного контроля со стороны обллита за ведением секретной части в литах усугубляло положение дел на местах.

В 1927-1930 гг. органы ОГПУ продолжали привлекаться к процедурам обследования деятельности окрлитов. В 1927 г. не только окрлиты, но и работа их уполномоченных при редакциях периодических изданий подлежала проверке органами ОГПУ на предмет ее соответствия правилам по хранению секретных дел. Чекисты следили за тем, чтобы по окончании срока своих полномочий редактор вернул весь «секретный» материал в окрлит [6, д. 5, л. 6]. В сентябре 1929 г. комплексной проверке подверглась деятельность Курганского окрлита. Комиссия, возглавляемая уполномоченным Курганского окротдела ОГПУ Шахановым, выявила массу нарушений. Как и в предыдущем случае, целый год цензором не велся журнал входящей и исходящей секретной корреспонденции. Все дела секретной переписки не были пронумерованы, были собраны беспорядочно, без соблюдения принципа хронологии. Кроме того, политконтролеры обнаружили факт потери заведующим окрлитом ряда секретных документов, как-то: циркуляров Главлита № 194/с, 236/с, 523/с, 1119/с, 92/с, а также военно-экономического и политико-экономического перечней. «Все материалы секретной переписки велись разными лицами без согласования с органами Облита и ОГПУ», – писал Шаханов в отчетном акте обследования [4, д. 6, л. 48]. Факт утраты секретных документов грозил цензору привлечением к уголовной ответственности. Членом комиссии Шаханова являлся политредактор Уралобллита Котенев, который составил отдельный «Акт обследования работы Курганского окрлита». Котенев подтверждал выявленные уполномоченным ОГПУ нарушения. Более того, представитель обллита обвинил цензора в утрате связи с органами ОГПУ. «Органы ОГПУ пытались несколько раз наладить связь, – писал Котенев, – но только благодаря административным мерам они сумели вызвать представителя Окрлита в Окротдел» [Там же, л. 42а]. В заключение был сделан вывод о необходимости назначения на должность начальника лита ответственного партийного работника и обязательном согласовании его кандидатуры с Курганским отделом ОГПУ.

22 апреля 1930 г. Курганский окрлит подвергся повторной процедуре обследования на предмет устранения выявленных нарушений. И вновь уполномоченный окротдела ОГПУ Шаханов сделал вывод о «безобразно-халатном отношении» к совершенно секретной и мобилизационной переписке работников окрлита. В присутствии инспектора печати Н. Захарова комиссия составила «Акт», в резолютивной части которого содержалось следующее: «Такое безобразное отношение... не может быть оставлено без последствий, и лица, как возглавляющие учреждение, так и технические работники, должны быть привлечены к законной ответственности» [Там же, л. 45]. Надо сказать, что пример Курганского окрлита показывает всю остроту проблемы сохранения тайны в органе цензуры на рубеже 1920-1930-х годов.

Соблюдение все требования к секретности документооборота было делом нелегким даже для аппарата управления Уралобллита. У его руководителей сложилось твердое убеждение, что поправить дело возможно

только при наличии изолированного помещения. В январе 1932 г. начальник обллита П. П. Бажов в докладной записке, адресованной в Уралобком ВКП(б), писал:

«Как сектор Уралобко, Обллит имеет право пользоваться техническим аппаратом Уралобко (машинка, экспедиционные приборы), но фактически это обслуживание крайне затруднительно. Причины: специфика обллитовской переписки (секретной по преимуществу), огромная загрузка технического аппарата другими секторами Уралобко и территориальная оторванность (Обллит помещается на улице 8-го Марта)» [7, д. 22, л. 58].

Вместе с тем, несмотря на неоднократные обращения в партийные инстанции, уральские обллиты в 1930-е годы положительного ответа местных властей не получали. После реорганизации Уралобллита в январе 1934 г. подвижек в этом деле также не наблюдалось. Так, в августе 1937 г. начальник Челябинского обллита П. Н. Шмелев в своем докладе в обком ВКП(б) сетовал на нерешенность самого «большого» вопроса – отсутствие оборудованного помещения для обллита и горлита. Только в сентябре 1937 г. обком ВКП(б) примет решение, обязывающее облисполком предоставить Челябинскому обллиту требуемое помещение [12, д. 8, л. 105]. При этом будем иметь в виду, что не всегда решение партийного органа о выделении здания/квартиры своевременно исполнялось административными органами. Например, усилия свердловских цензоров были вознаграждены лишь весной 1939 г. Так, в марте 1939 г. аппарат Свердловского обллита получил изолированное помещение в здании издательства «Уральский рабочий», состоящее из 7 комнат общей площадью 155 кв. метров. Уполномоченные обллита при городских издательствах впервые получили в распоряжение отдельные кабинеты, оборудованные сейфами. В районах цензорам передали в пользование новую мебель – столы, стулья, шкафы и т.д. Появилась и телефонная связь, а 7 уполномоченных обллита имели персональный телефон. По сведениям начальника Свердловобллита А. П. Горских, в каждый район были посланы металлические печати, канцелярские принадлежности [8, д. 18, л. 3].

По мере решения старых проблем появлялись новые. Так, до конца 1940 г. пермские цензоры пользовались своими служебными кабинетами бесплатно. Однако с середины ноября 1940 г. городские и районные исполкомы Советов своими решениями ввели ежемесячную арендную плату. «Так, в частности, получилось и с Обллитом, – писала в отчетном докладе его начальник М. Н. Пермякова. – В 1940 году жили в здании Горкома ВКП(б) бесплатно, а с 21 ноября нас переселили в другое помещение, руководитель которого предъявил счет за 1 месяц и 10 дней и договор на 1941 год в сумме, неожиданной для нас» [5, д. 2, л. 1-2]. Вопросы обустройства и в дальнейшем не потеряют своей актуальности для работников Пермского обллита.

25 сентября 1940 г. в г. Нижнем Тагиле состоялось кустовое совещание уполномоченных Свердловобллита. В принятой по его итогам резолюции, в частности, говорилось: «Со стороны партийных организаций нет должного внимания как к цензорам, так и к цензорской работе на местах. Нет повседневной, так нужной помощи... что говорит за отсутствие у большинства руководителей местных парторганизаций вкуса к борьбе за охранение государственной тайны в печати» [8, д. 18, л. 3].

Для цензоров, работавших при типографиях, большой проблемой оставалась организация их труда. Нередко между цензором и руководителем типографии возникали конфликты по причине несогласованности действий. В ноябре 1940 г. в Главлит было направлено письмо от Д. Т. Токарева, начальника Каменск-Уральского горлита Челябинской области. Главный вопрос, поднимаемый Д. Т. Токаревым, сводился к следующему: «Могу ли я требовать от типографии, и обязана ли она предоставлять отдельную (изолированную) комнату в типографии для дежурного цензора, где, чтобы можно было, читая в нормальных условиях газету и иметь под рукой руководящие материалы?». «В таких условиях, как в настоящее время работает цензор, – абсолютно работать нельзя, – писал далее Д. Т. Токарев. – Газеты приходится читать на ходу, когда на окне, на стуле. Кругом шум, стук машин и т.п. Конечно, при таких условиях работы неминуемо будет брак, ошибки, разглашение гостайн...» [12, д. 8, л. 107]. Челябинский обллит, по словам цензора, оказался не в состоянии повлиять на администрацию типографии.

В ответном письме Главлита от 16 ноября 1940 г. его начальник Н. Г. Садчиков призвал челябинских цензоров иметь в виду, что их рабочий день считается «ненормированным». Выход из положения Главлит видел в урегулировании проблемы силами самих цензоров. Н. Г. Садчиков рекомендовал всем цензорам активнее «договариваться», согласовывать с редакциями газет и типографиями свой график работы по цензуре материалов [Там же, л. 104]. Главлит не принял во внимание заявление Д. Т. Токарева, что зав. типографией Быков не желал идти ни на какие уступки. Очевидно, что Главлит занял в данном случае нейтральную позицию. Заниматься «местечковыми» проблемами, как и следовало ожидать, было поручено Челябинскому обллиту.

Подведем итоги. Внутреннее делопроизводство в местных органах Главлита на Урале в 1920-1930-х гг. не было налажено. Говоря о состоянии секретности в делопроизводстве уральских литов, следует констатировать, что оно находилось на неудовлетворительном уровне. Секретные документы могли течь, а их содержание становилось общеизвестным. Отношение к тайне у первых уральских цензоров было довольно специфичным. Особого трепета к сохранению в секрете того или иного сведения они не испытывали. Улучшение условий труда работников литов в конце 1930-х годов, безусловно, оказало влияние на практику ведения секретной части в делопроизводстве. Вместе с тем нам представляется, что к концу 1930-х годов система организации и хранения секретной информации в местных органах Главлита была далеко не совершенна.

Список литературы

1. Государственный архив в г. Ирбите. Ф. Р-472. Оп. 1.
2. Государственный архив в г. Шадринске. Ф. Р-213. Оп. 1.
3. Государственный архив Курганской области (ГАКО). Ф. Р-47. Оп. 1.
4. ГАКО. Ф. Р-48. Оп. 3.
5. Государственный архив Пермского края (ГАПК). Ф. Р-1156. Оп. 1.
6. Государственный архив Свердловской области (ГАСО). Ф. Р-233. Оп. 1.
7. ГАСО. Ф. Р-577. Оп. 1.
8. ГАСО. Ф. Р-577. Оп. 3.
9. Дианов С. А. Издательское дело на Урале в 1920-1930 гг.: цензурный контроль // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. Тамбов: Грамота, 2011. № 5 (11). Ч. 1. С. 51-55.
10. Зеленов М. В. Цензура и органы цензуры в постановлениях Наркомпроса РСФСР // Цензура в России: история и современность. СПб., 2008.
11. Кунгурский городской архив. Ф. Р-143. Оп. 1.
12. Объединенный государственный архив Челябинской области (ОГАЧО). Ф. Р-496. Оп. 1.
13. Собрание узаконений РСФСР (СУ РСФСР). 1922. № 40. Ст. 461.

**SECURITY FACTOR IN RECORDS MANAGEMENT
OF LOCAL BODIES OF GENERAL DIRECTORATE FOR THE PROTECTION
OF STATE SECRETS IN THE PRESS WITHIN URAL (THE 1920-1930S)**

Sergei Aleksandrovich Dianov, Ph. D. in History
Department of Social and Classical Disciplines
Perm' Institute (Branch) of Russian State University of Trade and Economics
dianov-sa@rambler.ru

The author postulates the problem of secrecy state in the records management of the local authorities of political censorship within Ural – the bodies of the General Directorate for the Protection of State Secrets in the Press, comes to the conclusion that by the end of the 1930s the procedure of secret information keeping and storing in Ural branches of the General Directorate for the Protection of State Secrets in the Press did not meet normative requirements, and tells that information about state secrets sometimes became public, whereupon the professional activity of political inspectors provoked a lot of criticism of the party and state leaders.

Key words and phrases: censorship; General Directorate for the Protection of State Secrets in the Press; Ural; records management; censors.

УДК 323.2

Политология

Автор выявляет специфику взаимодействия бизнеса и власти в условиях партийно-парламентской и функциональной систем представительства. В заключение формулируется вывод, что участие бизнеса в деятельности институтов представительства интересов при органах власти дает право отстаивать интересы в рамках правового поля; принимать участие в формулировании политики, политико-экономического курса страны и т.д. Это приводит к снижению роли неформальных практик, коррупционных механизмов и повышению значения легитимных каналов участия групп интересов в процессе управления.

Ключевые слова и фразы: политическое представительство; партийно-парламентская система представительства; система функционального представительства; оценка регулирующего воздействия; институт омбудсмена по правам предпринимателей; агентство стратегических инициатив; корпоративный лоббизм.

Евгения Анатольевна Дорина

*Кафедра политологии и политического управления
Российская академия народного хозяйства и государственной службы
при Президенте Российской Федерации
Evgeniya.dorina@mail.ru*

КАНАЛЫ УЧАСТИЯ ГРУПП ИНТЕРЕСОВ В ПРОЦЕССЕ УПРАВЛЕНИЯ®

Экономические и политические интересы связаны и взаимообусловлены. В условиях российского политического процесса одни и те же индивиды выполняют политические и экономические роли одновременно или перемещаясь из частного сектора в государственный (и наоборот) с помощью системы «вращающихся дверей». В рамках реализации «Национального плана противодействия коррупции на 2012-2013 годы»